

Подъезжая домой, Цзянь Тан увидела, что Ляншэнь и Лянцянь рука об руку стояли у двери и ждали их. После того как оставшаяся часть семейства вышла из машины, дети, радостно улыбаясь, подбежали к ним.

— Братик! — направились они к Чуи.

Тот обнял обоих сразу, обхватив брата правой рукой, а сестру левой.

— Извините, что заставил вас так долго ждать, — сказал Чуи.

— Почему ты не взял нас с собой? Вместе бы на улице поиграли, — недовольно спросил его Ляншэнь.

— Прости меня. Я обязательно возьму вас с собой в следующий раз, — ответил Чуи.

Получив такое нужное ему обещание, Ляншэнь гордо хмыкнул и вновь заулыбался.

Когда все зашли в дом, их встретила Линь Айго.

— Мы вернулись, мам. Чуи с нами, — провел сына вперед Линь Суйчжоу.

Увидев Чуи, Линь Айго наконец-то с облегчением выдохнула и села на мягкий диван.

— Бабушка, — подошел к ней Чу И, — Прежде чем решить, буду ли я проходить лечение у психотерапевта, я хочу сначала поговорить с ним. Наедине.

Линь Айго не ожидала, что ее внук такое предложит.

— Хорошо, — немного подумав, согласилась она.

— Спасибо. Прости, что заставил тебя волноваться. Я не должен был убегать, — склонив голову, извинился перед бабушкой Чуи.

Линь Айго улыбнулась и ущипнула его за щеку.

— Главное, что все в порядке. Помню, я однажды отшлепала твоего отца и он тоже сбежал из дома. Ходил где-то под мостом и собирал мусор, пока его какой-то пожилой старик не прогнал за то, что он отбирал его металлолом.

Почувствовав удивленный взгляд Чуи, Линь Суйчжоу тут же опешил.

— Мам, не надо такое при детях рассказывать. Мне же неловко.

«Прошло больше десяти лет, а она все еще об этом помнит...»

— Чего тут смущаться? — закатив глаза, встала с дивана Линь Айго. — Я пойду немного вздремну. На ужин меня не зовите.

Когда все ушли, Цзянь Тан толкнул бывшего мужа локтем и, озорно улыбнувшись, спросила:

— Собирал мусор под мостом, значит?

Линь Суйчжоу промолчал.

Он был непослушным ребенком, редко общался с другими людьми и имел крайне высокую самооценку, в штыки воспринимая малейшее оскорбление. У Линь Айго был еще более суровый характер. Ее метод воспитания всегда был максимально прямолинейным и порой слишком грубым. Стоило ее сыну в чем-либо провиниться, как ему тут же устраивали взбучку. И поскольку у Линь Суйчжоу был бунтарский характер, чем больше она его била, тем более суровым он становился. Этот порочный круг повторялся до тех пор, пока он не вырос.

Долгое время они сторонились друг друга, словно огонь и вода. В подростковом возрасте он часто уходил из дома и не появлялся практически неделю. Повзрослев, он позабыл о своем бунтарстве и больше не беспокоил своими выходками мать. Когда у него появились собственные дети он, усвоив уроки детства, никогда не бил их и не ругал. Своей дочери он во всем потакал, а Ляньшэня до определенной поры избаловал до ужаса.

К счастью, Цзянь Тан помогла ему осознать, что такая манера воспитания тоже неуместна.

— Многие дети убегают из дома. Чего тут такого? — удивленно посмотрел он на Цзянь Тан. — Еще сама, скажи, об этом не думала. Вот тебя пороли в детстве?

Цзянь Тан на мгновение задумалась. В детском доме ее часто наказывали и пороли, но уйти оттуда у нее возможности не было.

— Конечно, пороли. Всем было плевать на детей.

На ее лице промелькнуло безразличие. Это слишком непринужденное выражение лица заставило Линь Суйчжоу почувствовать необъяснимую грусть.

— Если хочешь, мы можем это...

Прежде чем он успел договорить, Цзянь Тан внезапно прошла мимо него и поднялась наверх.

Глядя ей в спину, Линь Суйчжоу недовольно нахмурился. Он чувствовал себя немного глупо.

Цзянь Тан подошла к комнате Линь Айго и постучала в дверь.

— Я зайду? — открыв дверь, спросила она.

— Конечно.

Цзянь Тан пододвинула стул к кровати и уселась рядом с Линь Айго.

— Вы не были недавно в больнице? Я видела похожую на вас женщину, но не решилась подойти.

Линь Айго, недолго подумала, и кивнула.

— Да, я была в больнице. Дважды. На осмотр и чтобы результаты забрать.

— Все в порядке? — с беспокойством спросила Цзянь Тан.

— Да что со мной случится? — улыбнулась Линь Айго. — Не волнуйся. Извини, я бы хотела немного поспать.

— Конечно. Хорошего вам отдыха.

Получив ответ, Цзянь Тан облегченно вздохнула и вышла из комнаты.

Увидев, что она закрыла дверь, улыбка на лице Линь Айго постепенно исчезла. Она открыла комод и достала оттуда старую, уже пожелтевшую фотографию. На ней были изображены три человека, все радостно улыбались.

Линь Айго протянула руку и провела пальцами по тонким бровям женщины, прошептав:

— Эх, Чжоучжоу... Вы с женой были такими хорошими людьми. И такой хороший мальчик у вас родился. Как жаль, что вы...

Тяжело вздохнув, Линь Айго крепко прижала фотографию к сердцу и закрыла глаза.

«Как же быстро уходят года...»

На следующий день пошел морозящий дождь.

Погода на улице была мрачной. Вся семья с нетерпением ждала в гостиной, когда придет психотерапевт.

— Господин Линь, доктор Шу приехал, — сообщил дворецкий.

Вошедший в дом мужчина был ужасно промокшим. Дворецкий взял у него черный зонт и провел в гостиную.

Цзянь Тан спокойно рассматривала гостя, стоящего перед ней. Он был худощав и, казалось, на несколько сантиметров выше Линь Суйчжоу, его черная рубашка была очень аккуратно выглаженной и опрятной, волосы бережно причесаны. Его лицо было довольно бледным, глаза холодными, но в тот же момент ясным. Несмотря на испорченное дождем пальто, он выглядел очень элегантно.

— Здравствуйте, господин Линь, меня зовут Шу Ван.

Шу Ван окончил Стэнфордский университет. В его профессионализме не было никаких сомнений. Свой первый опыт работы он получил, консультируя преступников и опасных индивидов, помогая полиции. Вскоре по возвращению в Китай он открыл свой частный офис. Он редко оказывал свои услуги детям, однако ради Линь Айго он согласился приехать и помочь.

— Мам... — сжавшись в объятия Цзянь Тан, подергал ее за рукав Чуи.

— Извините, это Чуи. Он у нас немного нелюдимый, — объяснила она. — Я его мама. Меня зовут Цзянь Тан.

— Здравствуйте, госпожа Цзянь.

Хотя Шу Ван был очень вежлив и всегда соблюдал этикет.

— Чуи, мы можем с тобой поговорить наедине?

— Я сам хотел у вас об этом попросить.

Одарив Чуи ободряющим взглядом, она наблюдала, как они с Шу Ваном отправились на диван, стоявший на другом конце гостиной.

Сев недалеко друг от друга, Шу Ван продолжал подбадривающе смотреть на Чуи.

— Какие же симпатичные в наши дни психологи... — глубоко вздохнув, произнесла Цзянь Тан.

Она говорила в полголоса, но Линь Суйчжоу все же ее услышал.

— Выглядит не очень. Я таких на улице каждый день вижу, — холодно прокомментировал он.

— Мне такие, как ты, еще чаще попадаются, — возмутилась Цзянь Тан.

— Хочешь сказать, что я выгляжу хуже него? — ухмыльнулся Линь Суйчжоу.

Она быстро покачала головой, погладила его по щеке и мягко сказала:

— Что ты, малышка Чжоу. Ты у нас самая красивая. Не сердись. Мамочка тебя очень любит.

Линь Суйчжоу фыркнул и резко убрал ее руку.

— Хватит!

Несмотря на то, что он так сказал, его настроение стало намного лучше, и он не возражал, что она к нему так обращалась.

Когда Чуи и Шу Ван закончили свой разговор, погода за окном постепенно начала налаживаться.

— Я готов пройти лечение, — подойдя к матери, с улыбкой на лице сказал Чуи.

— Правда? — немного удивилась Цзянь Тан.

— Угу, — кивнул Чуи. — Дядя Ван сказал, что не позволит А У исчезнуть. Он сказал, что сможет установить между нами гармонию.

Чуи больше всего боялся, что после терапии его дорогой друг А У исчезнет раз и навсегда. Несмотря на то, что их разговор был довольно коротким, он убедился, что Шу Ван был настоящим профессионалом своего дела и заслуживает доверия.

— Вот и отлично... Сходи пока поиграй, нам тоже с ним нужно многое обсудить.

После того, как Чуи ушел из гостиной, Шу Ван подошел к родителям мальчика и сказал:

— Личности ребенка еще не до конца сформированы. Во время терапии он может проявлять чрезмерно активное и порой даже бунтарское поведение. Как родители вы должны быть терпеливыми к нему. Независимо от того, Чуи перед вами или его вторая личность, вы не должны показывать никаких признаков отвращения или недовольства к А У. Это только помешает лечению.

Цзянь Тан внимательно слушал Шу Вана, периодически ему кивая.

— Помимо этого его брату с сестрой тоже необходимо это объяснить. Его второй личности нужна такая же поддержка и доверие, в особенности со стороны сверстников мальчика, — продолжил доктор. — Терапия будет проходить по воскресеньям, с 10 до 12 часов дня. Вот договор, прошу вас с ним ознакомиться и подписать. Если у вас есть какие-то вопросы, я с радостью на них отвечу.

Линь Суйчжоу прочитал договор и, убедившись, что его все устраивает, поставил свою подпись.

— Мы начнем терапию со следующей недели. Я оставил вам брошюру. Ознакомьтесь с ней вместе с Чуи. В ней так же указана моя контактная информация.

Брошюра была написана от руки. Доктор относился к каждому своему пациенту по-особенному.

— Что ж, раз вопросов нет, на этом на сегодня все. Увидимся на следующей неделе.

Когда все было улажено, камень с сердца Цзянь Тан наконец-то свалился.

Она верила, что Бог был на стороне ее сына. Его жизнь отклонится от первоначального сюжета, и для ее мальчика наступит новое, светлое будущее.

Когда решение о терапии было принято, Линь Айго не стала задерживаться дома. Она собрала свой багаж и отправилась обратно к себе домой. Цзянь Тан наконец-то смогла посвятить себя своему писательскому делу.

До этого сценарий, написанный ранее, был перепрочитан ею дважды и она, решив не проверять его в третий раз, тут же по приезду отправила. Цзянь Тан не надеялась получить ответ на третий же день.

Открыв электронное письмо, она увидела три слова, которые все разрушили: «Что это такое?»

Она открыла отправленное до этого письмо со сценарием и была в ужасе. Вместо текста она оправила фото с конкурса в детском саду, на котором был изображен Линь Суйчжоу в макияже.

Прежде чем Цзянь Тань успел как-либо объясниться, ей пришел еще один ответ.

[Это на сколько сильно ты ненавидишь Линь Суйчжоу, раз рассылаешь всем его отфотошопленную фотографию? Да еще и такую.]

«Эх, если бы они только знали, что это вовсе не фотошоп».

Цзянь Тань заметила, что кто-то подменил файлы. Ее ноутбук всегда стоял на столе в спальне, Ляншэнь и Лянцзянь в ее комнату не заходили, поэтому оставалось лишь один.

«Это все А У...»

Цзянь Тань столько дней засиживалась допоздна, чтобы написать сценарий. Иногда к ней заходил Чуи. Он мог случайно упомянуть об этом А У, после чего тот решил подстроить очередную пакость.

Цзянь Тань раздраженно поджала губы, но, вспомнив наставления доктора, принялась себя успокаивать.

Отправив искреннее письмо с извинениями, Цзянь Тань установила на ноутбуке пароль. Ей остается только поговорить с А У.

Но Шу Ван сказала, что, как бы плохо себя не вела вторая личность Чуи, сердится на нее было нельзя.

«Так... Я успокоилась... Больше не сержусь... Можно и поговорить».

Цзянь Тань открыла свой профиль и поискала в инвентаре неиспользованный эликсир влияния, что подарила ей Святая Мать. Говорят, что даже самый злобный человек не устоит перед выпившим этот эликсир.

«Что ж, самое время его испробовать».

Инструкция по применению эликсира гласила, что он начинает действовать через полчаса после приема и действует в течение часа.

Цзянь Тан выбрала флакон с эликсиром в инвентаре и он тут же преобразовался в небольшую таблетку в ее руках. Приняв ее, она ничего не почувствовала. Теперь ей оставалось только спокойно ждать возвращения Чуи из школы.

За минуту до начала действия эликсира раздался стук в дверь.

Цзянь Тан вскочила с дивана и, открыв дверь, увидела на пороге ужасно чумазого Ляншэня.

До ухода его одежда была безупречно чистой, но теперь он выглядел как оборванец. Его одежде была порвана в разных местах, лицо абсолютно черное.

— Что случилось? За тобой что, собаки гнались? — удивленно спросила его Цзянь Тан.

— Братик опять подрался... — честно ответила ей Лянцзянь, стоявшая рядом.

— Так, а ну быстро в дом, — с отвращением взяв за лямку рюкзака, провела Ляншэня через порог она.

За ним последовали Лянцзянь и Чуи, который молча переобулся и разделся.

Цзянь Тан тщательно осмотрела Ляншэня. Его вид становился все более невыносимым.

— И чего вы опять не поделили?

Ляншэнь закатал рукава и, вытерев лицо, сказал:

— Да Ху смеялся над Лянлянем, потому что у него голова лысая, поэтому я решил его побить.

— Вау, вот так герой! — надменно высказалась Цзянь Тан.

— Я должен был его проучить! — махая медвежонком в руке, заявил Ляншэн.

Цзянь Тан промолчала.

«Ладно, пускай. Сейчас у меня есть дела поважнее, чем нравоучения Ляншэню».

Цзянь Тан подняла глаза и посмотрела на настенные часы. До начала действия эликсира оставались считанные секунды.

«Пять... Четыре... Три... Два... Один...»

Цзянь Тан внезапно почувствовала, как в горле образовался ком. Сердце закололо. Не успев ничего понять, она упала на пол и потеряла сознание.

Внезапный обморок Цзянь Тан испугал детей, в особенности Ляншэня, который долгое время растерянно смотрел на нее.

А У, который некоторое время назад занял тело Чуи, холодно посмотрел на упавшую на пол Цзянь Тан и бросил боковой взгляд на Ляншэня с Лянцянью. На его губах появилась улыбка.

— Ну вот, смотрите, что ты натворил. Настолько маму разозлил, что она не выдержала и умерла, — сказал А У.

Ляншэнь осторожно подошел к ней и, потянув руку, пощупал переносицу и, присев, приложил ухо к груди матери. После нескольких секунд молчания он упал попой на пол и завопил:

— Братик! Что делать!? Мама не дышит!

«Что? Она правда умерла от злости?!»

А У слегка нахмурился, подошел к ней и принялся нащупывать пульс. Тело холодело, сердцебиение еле ощущалось.

— Не может быть, чтобы она умерла, — пробубнил А У.

Несмотря на всю ситуацию, он был максимально сдержан и спокоен. К женщине, которая принесла ему бесчисленные страдания, он не испытывает ни малейшей жалости и сочувствия.

А У медленно встал, сделал два шага назад и, посмотрев на Ляншэня сказал:

— Мама умерла и все из-за тебя.

— Из-за меня? — побледнел Ляншэнь.

У детей не было ни малейшего понятия о жизни и смерти. Они до сих пор не знали чувства утраты. Они были беспомощны и не понимали, что делать.

Ляншэнь смотрел на безжизненно лежавшую на полу Цзянь Тан, его разум был переполнен воспоминаниями о всех событиях, что они пережили вместе. Это было совершенно незнакомое чувство.

Он видел, как она обнимает его. Укладывает спать. Легонько целует в лоб, прокравшись ночью в спальню.

Затем он увидел череду из картин, которые следовали его отдалению от матери. То, что видел Ляншэнь, становилось все более и более злонамеренным.

Он видел, как бросал в нее игрушки. Намазывал зубную пасту на печенья вместо масла. И даже кусал ее...

«Я был таким плохим сыном...»

На глазах Ляншэня появились слезы. Она начал представлять, как стоит на ее похоронах. Как его отец заводит новую женщину. И то... как его мачеха заставляет его мыть туалет...

В туалете ужасно воняло и повсюду было грязно.

Ляншэнь не выдержал и разрыдался что есть мочи.

Это все было действие эликсира влияния. Он должен был показать человеку все зло, что было и могло быть, представив ему будущее, которого он больше всего боялся, тем самым заставив почувствовать страх и вину, которые бы побудили его измениться и встать на верный путь.

К сожалению... Цзянь Тан не повезло. Под действие эликсира попал не тот ребенок.

— Из-за тебя мама умерла! — дала пощечину Ляншэню его сестра. — Зачем ты ее так разозлил?!

Оба ребенка принялись лить слезы. Один лишь А У безразлично стоял в стороне.

Чу И, казалось, осознавал ситуацию, и пытался взять контроль над телом, но А У ему этого не позволял.

— Прости меня, мам... — сжав кулаки, смотрел на ее Ляншэнь. — Я буду послушным! Обещаю! Только, пожалуйста, не умирай!

— Братик обещает! Мама, ты слышишь?! Очнись! — принялась испугано трясти тело матери Ляншэнь.

Цянь Цянь так же, как и ее брат, не хотела, чтобы ее маму заменила злобная мачеха. Она плакала все громче и громче. Ее залитое слезами лицо начало опухать.

— Я больше никогда не буду ни с кем ссориться! Я не хочу мачеху! Я всегда буду тебя слушаться: мыть посуду и даже в комнате прибираться! — продолжал хныкать Ляншэнь. — Я больше никогда не буду называть тебя плохой! Пожалуйста, не умирай! Я не хочу чистить туалет!

Брат с сестрой были переполнены чувством вины и морально опустошены.

— Я хочу, чтобы ты мне рассказывала сказки по ночам, чтобы целовала меня в лоб перед сном и... Я хочу, чтобы ты и дальше со мной на утренники ходила!

— Ляншэнь обещает, мама! Только очнись! Давайте позвоним в скорую! — подхватила сестра.

— Я думаю, будет лучше позвонить сразу в похоронное бюро, — скрестив руки на груди, добавил А У. — Нужно ее кремировать, пока она еще не протухла.

Безразличные слова вырвались из его рта, заставив брата с сестрой удивиться. Цяньцянь тут же прекратила плакать, услышав такие странные слова от своего заботливого брата.

Его выражение лица было таким холодным, а в глазах, казалось, не было ни намека на чистую и добрую душу.

— Братик, ты чего?

— Это не наш брат! — сбив А У с ног, закричал Ляншэнь. — Я слышал, о чем вы говорили тогда! Это не Чуи! Он не такой!

Его старший брат был самым лучшим во всем мире. Он рассказывал Ляншэню увлекательные истории и рассказы, укрывал его одеялом посреди ночи и всегда о нем заботился. Хотя он и постоянно говорил ему, что конфеты есть вредно, он все же продолжал ему подкладывать их в рюкзак, зная, как его брат их любит.

— Братик! — схватил А У за футболку Ляншэнь. — Возвращайся к нам! Я знаю, ты найдешь способ помочь маме!

Словно услышав его мольбу, Чуи принялся изо всех сил брать верх над своим телом. Лицо А У резко изменилось, он стиснул зубы и старался сохранить сознание.

Он не мог позволить Чуи захватить контроль. Но как бы он не старался, холод в глазах начал ослабевать и А У пошел на попятную.

— Нужно отнести ее в кровать! — выкрикнул А У.

Видя, что двое детей все еще ошеломлены, А У нахмурился и добавил:

— Поторопитесь! Или вы хотите, чтобы мама умерла?!

Услышав это, брат с сестрой поспешно вытерли слезы и принялись тащить Цзянь Тан в ее комнату.

Несмотря на то, что ее тащила вся троица, они все же были детьми. У них совсем не было сил. А У тащил ее за руку впереди, Цяньцянь и Ляншэнь держали ее за ноги позади. Все трое с трудом передвигались, особенно после того, как Ляншэнь и Лянцянь потратили столько сил на рыдания.

— Мама такая толстая... — проливая слезы, сказала Цянь Цянь.

— Не надо... не говори так... Ей и без того плохо... — сказал сестре Ляншэнь.

Усердно затащив ее на второй этаж, они положили Цзян Тан на ее кровать.

Ляншэнь и Лянцянь еле стояли на ногах после всего этого.

Глаза Цзянь Тан все еще были плотно закрыты. Со стороны казалось, будто она просто спала. Только вот ее дыхание ощущалось с трудом.

Лянцянь и Ляншэнь не понимали, что такое смерть. Для них мама была подобна Белоснежке, что съела отравленное яблоко.

Вспомнив о ней, Цяньцянь, слегка дрожа, поджала губы, наклонилась и поцеловала Цзянь Тан.

Но ничего не произошло.

Она фыркнула и сказала Ляншэню:

— Нам нужно найти принца.

— Что? Какого еще принца? — удивленно посмотрел на сестру он.

— Ее может оживить только принц, что любит ее.

— Нет! — закрыл ладонью рот Ляншэнь. — Мой поцелуй предназначен только моей будущей невесте. Я не могу поцеловать маму!

— Дурак! Ты и не принц! — раздраженно крикнула на него Цянь Цянь.

Недолго подумав, им обоим в голову пришла одна и та же мысль.

— Папа - принц!

— Давайте позвоним папе и попросим спасти маму, — предложила Цянь Цянь.

Она была твердо уверена, что поцелуй истинной любви от ее папы сможет разбудить маму из глубокого сна. Она встала с кровати, чтобы взять телефон. Когда Цяньцян уже собиралась набрать номер отца, телефон выхватили.

Она повернулась и увидела свирепое лицо А У.

— Глупые дети, — произнес он. — К тому времени, когда отец приедет, ваша мама уже будет прахом после крематория.

— Не говори так!

А У усмехнулся и пошел на улицу с телефоном, чтобы вызвать скорую.

Но Цяньцян все еще хотела позвонить отцу. Посмотрев на свою «спящую» маму, она пошла искать другой телефон.

Ляншэнь, оставшийся охранять Цзянь Тан, безучастно смотрел на нее.

«А вдруг поцелуй истинной любви действительно... может спасти маму? Если мама не проснется, то она больше не сможет меня ругать. Но... тогда появится мачеха, которая будет со мной еще хуже обращаться...»

Ляншэнь сглотнул слюну, закрыл глаза и поцеловал Цзянь Тан в губы в надежде, что она проснется.

Он помолился всем ангелам и даже пообещал, что отдаст им своего выигранного на конкурсе Трансформера, если они ему помогут.